

Табурет

Автобус все не появлялся, и эта задержка давала Анатолию Ивановичу шанс передумать. Однако он упрямо ждал возле просевшего пористого и грязного сугроба, щурясь, потея в пуховике под весенним солнцем. Время от времени засовывал руку в пакет, с которым полчаса назад вышел из строительного магазина, и ощупывал гибкую гладкую веревку.

В автобусе было душно. Пыльные солнечные лучи выбеливали обшарпанные дерматиновые сиденья. Высокий кудрявый парень долго пытался открыть люк на потолке — но люк, видимо, заело. За исключением этой чужой неудачи время дороги было пустым и, следовательно, измерению не поддавалось.

Он всегда уезжал на день раньше Маши. Надо было как следует протопить в доме печь, вымыть пол. С утра ставил самовар — ведерный, заслуженный, на углях. Маша появлялась с пирогами: яйцо и лук, капуста и яйцо, мясо и капуста — нежные пироги, хрустящие корочки... Эх, Машенька ты моя...

Дом встретил затхлой сыростью и разбегающимся мышинным топотком. Анатолий Иванович отыскал в кухонном шкафчике водку — секретный ингредиент Машиных маринованных огурцов. В плотно закрытой бутылке оставалось около трети. Машенька, Машенька... И ведь огурцы-то еще не все съели! Перелил из бутылки в чайную чашку, выпил.

В кухне стояло четыре табурета. Анатолий Иванович прикинул, что ни один из них не годится, поскольку ведь потом выбросят, не станут в доме держать. Гарнитур будет неполный — жалко.

Вышел на веранду. Вытащил из-под разошедшегося стола другой табурет. Старый. Такой жалеть нечего. Прошел с ним в комнату, сел на диван, перевернул, чтобы посмотреть, плотно ли привинчены железные ножки.

На бледном исподе сиденья приклеена бумажка. Хороший клей, раз не отпала за столько лет. Очки Анатолий Иванович, конечно, с собой не взял, потому что ничего читать не собирался. Но эту бумагу надо было прочесть обязательно — как проверить документы сотрудника, которого предстояло взять на работу. Где-то тут, вспомнил, была лупа...

Под увеличительным стеклом выступил сначала штамп ОТК, а потом буквы: «Табурет А012. Армавирская мебельная фабрика». И ниже — год изготовления. Анатолий Иванович нахмурился,

вчитался снова. Нет, ошибки не было: год изготовления табурета был тем же самым, в который родился он сам. Табурет оказался — ровесник.

Такая же точно по длине жизнь.

И что-то же было в этой жизни! Может, я мальчиком взбирался на него, чтобы достать из кухонного шкафа конфеты, слипшиеся «подушечки» с кисловатым повидлом. А мама... где ты, мама, давно тебя нет на свете, но я помню, как ты вставала на носочки — на нем, на нем, на этом самом табурете! — тянулась, чтобы прикрепить к карнизу новые шторы, старалась ухватить материю тугим металлическим крокодильчиком, и солнце било в форточку, луч шел между твоими руками, щеко-тал мне щеку...

Анатолий Иванович медленно перевернул табурет, поставил на ножки. Посидел перед ним, как перед столом. И пошел в сарай за дровами.

При мне никто не умрет

повесть

1. Дождливый вечер

Батюшка, в хилой куртке поверх подрясника, дрожал всем телом и тоже был без зонта.

— Что ж вы такое творите-то, Михаил Ильич?

Тьму наполнял ровный гул деревьев и душевой шум дождя.

— На виду у всего города — призыв заниматься сексом!

— Это не призыв заниматься сексом, — деревянным голосом ответил Михаил, не глядя на священника и прижимая к боку сумку-аптечку. — Это призыв заниматься сексом в презервативе.

И зачем поперся через церковный парк, идиот?.. Ветви кустов впереди светились, в них прятался низкорослый фонарь. Листья бились и вздрагивали под золотыми струями — казалось, кусты пляшут на месте.

— Презерватив, вот именно... Ваша акция, уж простите, это какая-то пропаганда разврата!

— А что, по-вашему, должно быть на баннере? Обручальные кольца?

Он ускорил шаг, но отец Игорь не отставал — неся следом и кричал, отплеываясь от дождя:

— Кольца — прекрасная мысль! А? Михаил Ильич! Ведь прекрасная!

Михаил поскользнулся на раскисшей тропинке и наверняка бы шмякнулся, но был подхвачен твердой рукой оппонента.

Кабинет, который ему обустроили в инфекционном корпусе Баженовской медсанчасти, раньше служил обычной палатой. За дверью душ, туалет; белая ширма отгораживает обеденную зону, куда Михаил все собирался и забывал купить чайник.

Кровать вынесли, вместо нее у окна теперь стоял письменный стол со старомодной лампой на гнутом гофрированном рожке. С наступлением сумерек Михаил потянулся было ее включить, но тот, кто сидел напротив, взглянул затравленно — пришлось отвести руку.

— За что? Нет, вы скажите, за что? Ведь один раз, один только! У нас был, знаете, корпоратив, и там женщина... И она... Да если б я гуляка был, я бы в жизни ничем таким не заразился, вот где парадокс! Я бы готов был... у меня бы эти... ваши... как их... «соблазнов много — защита одна» были с собой!

Галстук сидящего висел косо, пиджак был помят, из рукавов выглядывали обшлага несвежей рубашки. Он то и дело приглаживал волосы, которые и без того льнули к маленькой голове, как

намасленные, оправдывался, лез в объяснения и так старался, будто ждал, что доктор хлопнет себя по лбу, скажет: «Ах да, конечно!» — и отменит диагноз. Смотреть на это было невыносимо, и Михаил отвернулся, стал смотреть в окно.

Там тоже, естественно, не показывали ничего хорошего. Грязь там показывали, лужи, этот поганый дождь. И черные сосны, которые, как вражье войско, подступали к самым стенам больницы.

— Я ж не хотел... Я не думал... А жена? Господи-и!

В коридоре грохотала ведром уборщица.

— Как ей сказать? А ведь надо... наверное? — Пациент тревожно, искательно заглянул Михаилу в глаза, закивал мелко: — Надо... Надо, понимаю... Но как?

Как! Тут уже не врач, тут психолог нужен. Тут, еще лучше, равный консультант нужен — человек, который уже пережил все то, что этому масленому только предстоит... Вот что мне надо сделать: найти равного консультанта.

Михаил взял ручку, выписал направление на анализ.

— Кровь, — он покосился в карту пациента, чтобы убедиться, что правильно запомнил имя, — кровь, Альфред Кузьмич, будете сдавать регулярно. Наша задача, — он четко произнес слово «наша», — контролировать вирусную нагрузку.

Уборщица просунулась в дверь:

— Долго вы еще тут? Я до ночи ждать не собираюсь!

— Обручальные кольца! — повторил отец Игорь. Они стояли теперь лицом к лицу. — Даже слоган можно оставить тот же: «Соблазнов много — защита одна!»

Михаил подавил желание выругаться.

— Только что поставил на учет одного такого — с кольцом! А беременные? Вы статистику видели? Специально выложил на городском сайте! Четырнадцать за прошлый год! Двенадцать за нынешний! Кольца у всех! Слово такое — «эпидемия» — слышали?

Отец Игорь взглянул прямо, блеснули стекла залитых водой очков.

— Так надо воспитывать молодежь! Верность, любовь, семья — вот чему надо учить. Не презервативам вашим! На Махатмы Ганди школа. Там дети ходят. А вы им — презерватив под нос!

Рванул ветер, сверху хрястнуло, затрещало. Коротко прошумев и подняв брызги грязи, между спорящими шлепнулась огромная ветвь. Оба, не сговариваясь, наклонились, чтоб оттащить ее с тропинки.

2. Божья тварь

За кованой церковной оградой простиралась лужа в оборке опавших листьев, кипевшая от дождя. Поправив на плече лямку сумки-аптечки, Михаил двинулся по краю, стараясь не замочить ног — левый ботинок у него протекал, — прижимался

к ограде, цепляясь за железные завитушки. Железо было скользкое, ледяное, пальцы сразу же онемели. Но вот, наконец, и улица: широкий проспект Махатмы Ганди. По асфальту идти стало легче, только вертелись под ногами сбитые шишки. Дождь обмельчал и теперь не лил, а сеялся, мотаясь на ветру. Впереди, между черными стволами сосен, уже виднелись светящиеся окна дома, где Михаил снимал крошечную однушку.

Этот дом — белый, многоподъездный и многоэтажный — был в Баженове самым высоким. Он возвышался над магазинами, над соседними домами, возвышался даже над соснами — плыл под низким тяжелым небом, как лайнер по океану, и все, что тут случалось плохого, происходило либо в этом доме, либо неподалеку. Это в здешнем дворе орудовал педофил, а летом шагнул с крыши десятиклассник. В двадцать второй квартире тлел наркопритон, а в последнем подъезде торговали водкой-самогонкой, и на детской площадке вечно собирались бомжеватого вида пьяницы.

Возле магазина «ПровиантЪ» — совершенно не нужный, но модный теперь твердый знак мигал красным цветом — жалась к стене какая-то бабка. Котомки у ног. Нищенка? Михаил нащупал в кармане сторублевку, подошел, протянул. Бабка подхватила, цапнула деньги, а ему сунула что-то легкое, теплое... Живое.

— Удача твоя, сынок. Последний остался.

— Э-эм... я не...

Но бабка уже отвернулась. Наклонилась к своим пожиткам, начала что-то перекладывать, бормоча:

— Последний, тьма такая. Никто брать не хотел — у, тьма-тьмущая... Боятся черных котов, что несчастья от них. Придумают тоже: от котов несчастья! Божьи твари в бедах ихних виноваты...

Божья тварь не то зевнула, не то мяукнула беззвучно, показав ряд мелких острых зубов. Бабка, уперев руку в поясницу, с усилием распрямилась.

— Так что аккурат вовремя ты, сынок.

— Да я...

— Топить бы пришлось!

От этих слов горло свело спазмом. Перед глазами заколыхалась мутная стекляннистая масса, стало невозможно вдохнуть — а когда он совладал с собой, рядом никого уже не было. Стоял дурак дураком, держал котенка, чувствуя, как в левый ботинок — промочил-таки! — заползает холодная сырость, а бабка уходила прочь по раздольной улице Ганди: приземистая фигура в ореоле электрического света и сверкающей водяной пыли.

* * *

Голая лампочка под потолком была яркости изуверской, поэтому Михаил привык обходиться торшером. Дернешь за шнурок — свет падает на немогущее кресло с вылезающими нитями обивки, на журнальный столик: растрескавшийся лак, ненадежные ножки; на крашеный коричнево-красной краской пол. А кровать уже пряталась в полумраке, только

сползал по гнutoму железу спинки слабый блик. Вот куда, на хрен, я дену котенка? В этой квартире даже завалящего коврика нет...

Котенок дрожал и, широко разевая пасть, мяукал, почти без звука, будто шепотом. Михаил снял свитер, постелил в углу. Наполнил бутылку из-под минералки горячей водой, обернул полотенцем. Котенок недоверчиво обнюхал все это и опять разразился шершавым мяуканьем.

На руках он успокаивался, прижимурился и, кажется, засыпал. Однако любая попытка положить его рядом с теплой бутылкой кончалась тем, что он распахивал серые глазищи и начинал дрожать. Черный пух стоял дыбом на жидком тельце.

— Так, зверь, давай-ка ты один побудешь, — в конце концов сказал ему Михаил. — Мне все-таки на работу с утра!

В горле у него скребло, нос наливался насморочной тяжестью. Вот только простыть еще не хватало...

Перетащил все хозяйство со свитером и бутылкой в кухню, плотно прикрыл хлипкую, со стеклянной вставкой, дверь. Спать, спать... Он еще пристроил мокрый ботинок сушиться под батареей, напихав в него скомканных газет, и наконец упал в кровать — завизжали, заныли пружины панцирной сетки.

Голова стала тяжелой, чугунной. Ноги были чугунными тоже, как же трудно переставлять их — шлеп, шлеп по мелкой воде. Они как не свои,

ноги: даже боль от камней, впивающихся в босые ступни, он чувствует смутно. Бредет, шатается, а солнце слепит, и горло дерет, а берега нет — плясал берег далеко, издевался. И никогда, никогда он не дотащит до него Лешку.

3. Союзники

Дождь шел всю ночь, а к утру перестал, оставив город мокрым и встрепанным, усеянным мелким сосновым мусором. Хвоинки, ветки-кисточки, потемневшие от воды шишки — все это устилало асфальт, плавало и дергалось в лужах, когда Михаил, измученный жестоким сном, шел на работу.

В инфекционном отделении по-утреннему пахло хлоркой.

— Ведь грех сказать, Михаил Ильич: спокойна за него, только когда он в тюрьме. — Вера Сергеевна держала на коленях разбухшую сумку с отвислыми петлями ручек. Баюкала ее, оглаживала бока, словно старой любимой собаке. — Каждый день, каждый божий день на работу ухожу, думаю: что еще натворит, что еще из дома унесет, там уж и нести-то нечего... А ведь такой хороший мальчик был, в школе-то, говорили все: Гена золото ведь у вас!

Она отвернулась, достала скомканный носовой платок, высморкалась тихонько. Потом подалась вперед, навалившись на стол, глянула близко — белки глаз водянистые, в красных прожилках:

— А иногда... Грех, конечно, но ведь доведет, нет-нет да подумаешь: лучше б уж умер, чем так!

На оконном стекле появились жидкие росчерки: опять начинался дождь.

— И ведь что случись — даже обратиться не к кому, на скорой-то в тот раз как они ругались: зачем, кричат, опять к нам привезли, у нас дети, семьи...

Михаил поднялся: надо накапать ей. Прошел за ширму, налил в стакан воды из графина. Опять я про чайник забыл... Черт, от меня, кажется, несет кошачьей мочой. Накапать, таблетки для Гены выдать и отпустить. Ну, телефон свой написать на всякий случай... И пусть уж она идет, с этой своей сумкой, как со старой покорной собакой.

Наркоманы, конечно, были проблемой.

Наркоманы были той еще задачей! Но в целом он, что надо делать, понимал. Справлялась ведь Европа, Америка; да хоть и Питер, например, где ездил автобус «Помощи без границ». Баженов, конечно, город маленький, автобус никто не выделит. Но какой-нибудь подвал-то найдется? Он написал заявление в городскую думу и вскоре был приглашен на заседание.

Депутаты — все, словно в форме, в черных пиджаках — расселись за массивным дубовым столом. Места для публики пустовали, только у самой стены притулился отец Игорь — впрочем, Михаил тогда еще не знал, как его зовут: священник и священник, подрясник черный, крест на груди, очки

в тонкой оправе. Рядом с ним сверкал пуговицами и звездами осанистый полицейский чин.

— Я правильно расслышал? — У священника покраснели кончики ушей. — Вы хотите открыть пункт обмена, извините, использованных шприцев на новые? То есть что — колитесь, братья? Убивайте себя?

— Наркозависимость для человека беда, никто не спорит. — Михаил поднялся и сделал шаг вперед. — Но давайте хотя бы от другой беды его спасем: не дадим заразиться ВИЧ-инфекцией.

Он был логичен, ему казалось. Выступал с точки зрения здравого смысла. Но депутаты все как один проголосовали против. Вовремя встрял служитель культа!

Сев на место, Михаил отвернулся от отца Игоря и невольно уперся взглядом в звездно-пуговичный блеск. Прищурился. Ладно, батюшка... Мы не гордые, мы с другой стороны зайдем.

— Скажите, у вас в милиции...

— В полиции, — поправили его. — Теперь надо говорить: в полиции. Привыкайте.

— У вас в полиции есть отдел по борьбе с наркотиками?

— С незаконным оборотом наркотических веществ. — Звезды-и-пуговицы явно исполнился презрения к неточности его формулировок. — Да, такой отдел имеется.

Михаил помолчал, подбирая слова.

— Будьте любезны, скажите, кто им руководит.

Дверь с табличкой «Капитан Калашников К. П.» открылась в прокуренную каморку с решеткой на давно не мытом окне. Со стены смотрел канонизированный конторой Дзержинский: «Отсутствие у вас судимости — не ваша заслуга, а наша недоработка». Михаил еще отметил конфетницу, в которой здесь тушили окурки, — она была хрустальная, но матовая от пепла.

Хозяин каморки сидел за столом, уставив на Михаила черные и круглые, как у птицы, глазки. Кирилл, стало быть, Петрович... Через нос его тянулся шрам, череп был обрит. Само собой вспомнилось прозвище — Киллер.

— Можешь так и звать, все зовут. А чё с аптечкой-то пришел? — Киллер задрал брови, разглядывая кожаную сумку с выдавленным на ней крестом. — Думаешь, я тут внезапно заболел?

Смех у него был неприятный, мокрый, похожий на бульканье.

— Не исключено, — сухо ответил Михаил.

— Ты и на думу с этим хозяйством ходил? Не, их не вылечить... — Киллер выдвинул верхний ящик стола, сунул туда руку, вытащил сигаретную пачку. — А про наших с тобой недалеко-видных друзей... — Выщелкнул из пачки сигарету, закурил. — Про наших друзей, страдающих прискорбной зависимостью от химических агентов, я тебе так скажу: не наркомания корень зла в этом мире.

Михаил нетерпеливо переступил с ноги на ногу:

— Можно раздавать им шприцы прямо на улицах. Или где они у вас обычно собираются.

— У меня, — взгляд Киллера сделался профессионально пустым, — у меня они обычно собираются в обезьяннике. В раздаче шприцев я тебе не помощник, извини. Моя работа... как бы так объяснить, чтобы не обидеть... немного в другом заключается.

— Не вижу противоречия.

— Я так и подумал, что не увидишь... Ладно. Ты лучше скажи — тебе ведь надо узнать, есть ли среди моей клиентуры спидоносцы?

— Это называется — люди, живущие с ВИЧ. Можно говорить — ЛЖВ.

— Один хер. Будем их выявлять?

— Выявлять... Что-то я не видел, чтоб наркоман взял да и на анализ крови пришел.

— Ты много чего не видел.

Вот так он и обнаружил Гену и остальных. Киллер звонил и со своим смешком-бульканьем осведомлялся: «Миха? Есть клиент один интересный. Не хочешь попить его кровушки?» Такой звонок мог раздаться хоть среди ночи, да обычно среди ночи и раздавался — можно было не сомневаться, что «интересный клиент» сидит рядом, разговор слышит и что капитан Калашников косит на него страшным своим черным глазом, внушая: вот придут сейчас пить его кровушку, и тогда-а... Душу вместе с кровью вытянут! Пока Михаил, подхватив чемодан-укладку, до милиции

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru